

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник тезисов
Международной конференции
по передовым технологиям обучения
EdCrunch-Томск

Томск, 2–4 декабря 2020 г.

Ответственный редактор
Е.А. Другова

Томск
Издательство Томского государственного университета
2020

ращается внутрь себя, к саморефлексии и самопониманию. Использование герменевтики в дисциплинах «ядра» обеспечивает единое методологическое основание для формирования универсальных/общекультурных компетенций, на которые в сущности и направлен проект «ядра бакалавриата» в НИ ТГУ.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
2. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 367 с.
3. Поварнин С. И. Как читать книги. М. : Книга, 1971. 82 с.
4. Адлер М. Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений / пер. с англ. 5-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 344 с.
5. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис, 2011. 224 с.
6. Голдберг Д., Бломквист Дж. Вселенная. Руководство по эксплуатации. Как выжить среди черных дыр, временных парадоксов и квантовой неопределенности. М. : АСТ, 2010. 416 с.
7. Жукова А. Смертельный коронавирус был создан американцами еще пять лет назад // Комсомольская правда. 2020. 23 марта. URL: <https://www.krsk.kp.ru/online/news/3807107/>
8. Фаненштиль Т.В. и др. Философия через великие книги: технологии реализации. Мастер-класс «три режима чтения текста» // Материалы международной конференции по новым образовательным технологиям Ed-Stunch. Томск, 2019. С. 330–333.
9. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию / пер. С.А. Ошерова. М. : Наука, 1977. 383 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. 407 с.
11. Овидий П.Н. Метаморфозы / пер. Шервинский С.В. М.: Азбука, 2016. 400 с.

УДК 7.033; 75.04

DOI: 10.17223/978-5-94621-963-1-2020-60

MEMENTO MORI: ОПЫТ АНАЛИЗА МАКАБРИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ И ЖАНРА ВАНИТАС

А.М. Горбунова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-mail: annime098@gmail.com

В основе статьи – итоговый проект, подготовленный в рамках Образовательного ядра бакалавриата ТГУ, мастерская «Морфология искусства». Данная мастерская была создана с целью научить студентов непрофильных факультетов разбираться в искусстве на базовом уровне, смотреть на него сквозь призму основных морфологических категорий (виды искусства, жанры, стили), не забывая при этом учитывать роль детали и символа в различных произведениях. В настоящей статье рассматривается эмблематика Смерти в изобразительном искусстве Позднего Средневековья и эпохи барокко. Отмечается, что образ смерти был востребован художниками в эти периоды времени. В Средние века данный образ становится лейтмотивом внутри макабрических сюжетов. С наступлением эпохи барокко тема смерти является сквозной благодаря жанру «ванитас». Автор описывает оба подхода к изображению Смерти, подчеркивая при этом их принципиальную инаковость.

Ключевые слова: морфология искусства; мажор; пляска смерти; ванитас; Средние века.

MEMENTO MORI: ANALYSIS EXPERIENCE OF MACABRE AND VANITAS

Anna M. Gorbunova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

E-mail: annime098@gmail.com

The article is based on the final project that was prepared within the framework of the Bachelor's Core of Tomsk State University, the workshop "Morphology of Art". This workshop was created with the aim of teaching students of non-core faculties to understand art at a basic level, to look at it through the prism of the main morphological categories (art forms, genres, styles), while not forgetting to take into account the role of detail and symbol in various works. This article examines the emblem of death in the visual arts of the Late Middle Ages and the Baroque era. The image of death was in demand by artists in these periods. In the Middle Ages, this image becomes a leitmotif within macabre subjects. With the onset of the Baroque era, the theme of death becomes more widespread and expressed in "vanitas". The author describes both approaches to depicting death while emphasizing their fundamental otherness.

Key words: morphology of art; macabre; dance of death; vanitas; Middle Ages.

Выбор темы для настоящей статьи был продиктован стремлением продемонстрировать навыки анализа, приобретенные в ходе обучения на Мастерской «Морфология искусства». Важным образовательным результатом здесь явилось понимание общей логики развития художественного процесса. Это знание было встроено в научные интересы автора – средневековья и символизм.

Эпоха Средних веков получила неоднозначную оценку среди исследователей. С одной стороны, это время романтизируется, что проявляется в ностальгии по готической эстетике, культу Прекрасной Дамы, утраченной рыцарской доблести. В то же время Средневековье нередко воспринимается как провал в поступательном развитии человечества. Вероятно, в основе столь негативной оценки – ряд бедствий, которые обрушились на Европу в те времена. Одним из таких бедствий является Великий голод (1315–1317 (22) гг.), за которым последовала эпидемия чумы, известная также как «Чёрная смерть». Последняя привела к катастрофическим последствиям, унеся за собой тысячи человеческих жизней. На это же время пришлось и развернувшиеся в некоторых европейских странах антифеодальные крестьянские восстания (к примеру, Жакерия во Франции, 1358 г.). Следует также упомянуть о военных конфликтах, крупнейшим из которых является Столетняя война (1337–1453 гг.) между Англией и Францией. Таким образом, люди, жившие в эпоху Средних веков, остро и пристрастно переживали постоянное присутствие Смерти в своей жизни, вследствие чего в социуме укоренились эсхатологические представления, идеи о бренности бытия. Обозначенные выше процессы и общественные настроения сказались на развитии изобразительного искусства, в пространстве которого настойчиво педалируется сюжет «макабр» или «пляска смерти».

Ученые до сих пор дискутируют по поводу происхождения слова «макабр». По мнению Э.Д. Харитоновича, «наиболее достоверной считается этимология, производящая это слово от арабского «такбага» («усыпальница») или из сирийского «таqабгеу» («могильщик»)» [1, с. 398]. Согласно другой, более распространенной гипотезе, слово «макабр» возникает как искаженное имя ветхозаветного персонажа Иуды Маккавея, который воспринимался в средневековой христианской традиции как один из дохристианских зачинателей заупокойного культа. В свою очередь нидерландский историк и исследователь культуры Й. Хёйзинга предложил соотносить с понятием «макабр» позднесредневековое видение смерти [1, с. 145]. Он говорит о принципиальном отличии макабрического восприятия смерти от всех предшествующих представлений подобного рода.

Итак, макабр представляет собой нахождение «жизни и смерти в едином континууме – хоровод живых и мертвых, где мертвые пляшут, вовлекая в танец живых, желая увести их за собой» [2, с. 112]. В макабре происходит отказ от общепринятых правил, иерархии или дифференциации – перед лицом Смерти все равны. Очевидно, что в данном случае в одной плоскости бытия сосуществует те, кто никак не может совместно существовать и взаимодействовать друг с другом.

«Пляски смерти» встречаются преимущественно не только и не столько в станковой живописи, сколько в гравюре, книжной миниатюре, фрескописи – например, в бывшем Клингентальском монастыре близ Базеля. Кроме того, в 1477 г. в Любекском соборе Бернтом Нотке была написана фреска «Пляска смерти», с которой люди имели возможность познакомиться в ходе богослужений [3, с. 141–142]. Макабрические сюжеты дополняли собой крипты и склепы; ими вдохновлялись поэты и музыканты. К «пляскам смерти» в изобразительном искусстве обращались такие художники, как Конрад Виц, Бернт Нотке, Михаэль Вольгемут, Ганс Гольбейн Младший и другие.

В качестве своеобразной альтернативы макабру может быть воспринят жанр ванитас, получивший распространение во второй половине XVI века (эпоха становления стиля барокко в искусстве). Ванитас в переводе с латыни означает «тщетность», «суета». Свое название жанр получил от нравоучительного изречения Екклесиаста: «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*» («Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!»). По мере развития жанра подобные фразы появятся на полотнах как надпись в книге или на свитке.

Существенным отличием ванитас от макабрических сюжетов является подход, согласно которому художник, как бы, вплетает Смерть в общую канву натюрморта. Композиция могла включать в себя разное количество предметов, однако, её центром неизменно выступал человеческий череп. Символичны также вещи, «сопутствующие» черепу, – они задают контекст понимания произведения. Мыльные пузыри, потухшие свечи, пустые подсвечники, как наиболее распространённые аллегории в натюрморте ванитас, отражают быстротечность жизни, её хрупкость, уязвимость перед смертью: человек может исчезнуть в любой момент, и никто не в состоянии противиться судьбе. Зачастую художники включают предметы роскоши как символы тщеславия или различные предметы, олицетворяющие власть, например, драгоценные украшения, монеты, рыцарское облачение.

Таким образом, авторы визуализировали идею о том, что все богатство, накопленное при жизни, заработанная репутация и высокий общественный статус не будут значить ничего после физической смерти их обладателя.

Ко всему прочему, в натюрмортах «ванитас» фигурируют изображения различных цветов, которые также несут определенную смысловую нагрузку и позволяют точнее передать замысел художника. Согласно статье «Мистерия символики смерти в европейской и японской живописи» Д. Н. Беловой, «роза символизирует любовь, лилия – целомудрие, чистоту; тюльпаны – быстро уходящую красоту; мак и нарцисс – являются цветами смерти» [4, с. 14].

Частыми «спутниками» черепа на картинах в жанре «ванитас» являются игральные кости, карты и шахматы – всё это аллегории ошибочной жизненной цели, неверного выбора. Таким образом, можно утверждать, что рассматриваемый жанр носит выраженный назидательный характер. С помощью него художники напоминают о быстротечности жизни, воплощают идею о недолговечности всего земного, тщетности удовольствий и неизбежности смерти [5, с. 30].

Основными представителями жанра ванитас являлись Филипп де Шампань, Питер Клас, Корнелис Норбертус Гейсбрехт и другие.

Итак, резюмируя вышеизложенное, необходимо признать, что в изобразительном искусстве есть как минимум два подхода к изображению Смерти. Первым и относительно простым опытом её восприятия служат макабрические пляски, олицетворяющие полное всеисилие Смерти, которая способна вовлечь в хоровод людей вне зависимости от их сословной принадлежности.

Как отмечает А. В. Кулик: «макабр продуктивно рассматривать как манифестацию хаоса» [6, с. 373]. Совершенно другой подход олицетворяет жанр ванитас, где с помощью различных аллегорий более изысканно и деликатно доводится до сведения зрителя смысл изречения «Memento mori». Можно утверждать, что ванитас отражает порядок в отличие от безумных макабрических плясок.

Литература

1. Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Соч. : в 3 т. Т. 1 / пер. с нидерланд. вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой. М. : Прогресс – Культура, 1995. 416 с.
2. Минькова Н.В. Формы репрезентации смерти во втором средневековье и их экстраполяция в массовую культуру // Научный вестник МГТУ ГА. 2010. № 155. С. 111–114.
3. Клянина Е.Р. Символы и образы смерти в европейском искусстве // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 140–145.
4. Белова Д.Н. Мистерия символики смерти в европейской и японской живописи // Культура и искусство. 2019. № 4. С. 9–26.
5. Петренко В. Ф. и др. Натюрморт как визуальный афоризм // Психология. Журнал ВШЭ. 2010. № 2. С. 26–44.
6. Кулик А. В. Философия макабра и хаос // Гілея : Науковий вісник : [Збірник наукових праць]. 2013. Вып. 69 (№ 2). С. 372–376.

УДК 378.046.4

DOI: 10.17223/978-5-94621-963-1-2020-61

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ SMART-ОБРАЗОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В.Е. Шорохов

Институт государственного и муниципального управления
при Правительстве Красноярского края, Красноярск, Россия
E-mail: v-shorohov@list.ru

Процессы реформирования системы муниципального управления и муниципальной службы на сегодняшний день имеют множество аспектов, в числе которых важное место занимает антикоррупционная подготовка кадров муниципальной службы. В статье рассматриваются отдельные нормативные правовые акты, регулирующие противодействие коррупции на федеральном и муниципальном уровне, и основные авторские подходы в исследуемой области. Подчеркивается и обосновывается специфика организации антикоррупционных механизмов на уровне местного самоуправления, что, в свою очередь, определяет перспективность внедрения технологий SMART-образования в контексте общей эффективности антикоррупционной подготовки муниципальных служащих.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; государственная антикоррупционная политика; антикоррупционная подготовка муниципальных служащих; SMART-образование.